

Шукуралиева Нарцисс

Демократическая самоорганизация. Мобилизация во время «цветных революций»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

цветные революции, авторитаризм, выборы, мобилизация, антиправительственные акции протеста

Цветные революции, были восприняты Россией как наступление Запада на постсоветское пространство при помощи новейших политических технологий. Свержение власти в Сербии (2000 г.), Грузии (2003 г.), Украине (2004 и 2013–2014 гг.), Кыргызстане (2005 и 2010 гг.), и в Армении (2018 г.) а также активизация различных оппозиционных структур в других частях региона (например, массовые протесты 2005 г. в Узбекистане, 2008 г. и 2015 г. в Армении, 2010 г. в Беларуси, 2011–2013 и 2017 гг. в России), привели к резкому изменению не только концептуальных основ внешней политики России, но и способствовали укреплению постсоветских авторитарных систем¹. Анализируя цветные революции, исследователи сходятся во мнении относительно основных особенностей, объединяющих все произошедшие протесты. Многие авторы обращают внимание на то, что в случаях событий в Сербии, Грузии, Украине и Кыргызстане трудно говорить о революциях в классическом смысле этого слова. Классическое понимание революции связано с насилием, в то время как в цветных революциях мы имели дело с действиями, в которых не было применено насилие.

¹ А.Э. Гапич, Д.А. Лушников, *Технологии цветных революций*, Москва 2010; С.Г. Карамурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин, *Революции на экспорт*, Москва 2006; Ф.У. Энгдаль, *Полный спектр доминирования: Тоталитарная демократия в Новом мировом порядке*, Санкт-Петербург 2010.

Павел Баев пишет, что цветные революции можно рассматривать как «массовые протесты или мирные (англ. *unarmed* – безоружный) восстания, целью которых было изменение через выборы полудемократического или квази-демократического режима»². Похожие элементы включают в себя также определения Донаха О'Бикейн (*Donnacha Beacháin*) и Абель Полезе (*Abel Polese*) выраженная во вступительной статье к книге «Цветные революции в бывших советских республиках». Согласно им цветные революции относятся к ненасильственным (*non-violent*) акциям протеста, в результате которых доходит до свержения авторитарных режимов³ в первом десятилетии XXI века⁴.

Первое из этих определений дополнительно подчеркивает политический характер революции и выдвигает на передний план значение выборов. Цветные революции, следовательно, будучи явлением из области политики, не привели к изменениям на уровне социальной структуры (касающиеся глубоких изменений в социальном порядке, связанные с функционированием политики, экономики и культуры) или перераспределения собственности. Лозунги этих революций имели также строго политический характер, в том смысле, что основной их целью было изменение политической системы. В отличие от традиционных концепций революции, протесты посткоммунистического пространства не провозглашали утопических лозунгов. Скорее, требовали изменения авторитарного статус-кво и создания демократического порядка западного характера. Важной общей чертой всех цветных революций было отсутствие демократической политической системы в дореволюционный период. Однако важно было и то, что ни один из режимов не имел тоталитарного характера, более того, до определенного уровня допускал свободу выражения мнения, терпимость к оппозиции и свободу средств массовой информации. Это объясняет, почему революции удалось в Грузии, в Украине и в Армении, но это было невозможно в Азербайджане, Армении (до событий 2018 г.), Беларуси, не говоря уж об Узбекистане⁵.

² P.K. Baev, *A Matrix for Post-Soviet Color Revolutions: Exorcising the Devils from the Details*, «International Area Studies Review» 2011, Т. 14, № 2, с. 3–22.

³ Авторитарная политическая система основана на власти харизматического лидера или армии. Очень часто характеризуется определенными демократическими признаками и институтами, такими, как, например, выборы, однако они не имеют большого правового и политического значения. В большинстве постсоветских государств авторитарная власть сосредоточена в руках президента и его ближайшего окружения.

⁴ D. Beacháin, A. Polese, *Introduction*, [in:] D. Beacháin, A. Polese (eds.), *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*, Routledge, New York 2010, с. 3–10.

⁵ Там же; P.K. Baev, *A Matrix for Post-Soviet Color Revolutions...*, с. 3–22; М. Минаков, «Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия, «Общая тетрадь» 2012, № 2–3 (59); „Цветная революция” или...? Кто в реальности стоит

Характерно, что цветные революции закончились успехом в государствах мягкого, электорального авторитаризма, основывающих свою легитимность на циклически проводимых и неоднократно фальсифицированных выборах. Электоральный авторитаризм, один из типов авторитарной политической системы, характеризовался наличием многопартийных парламентских выборов, или многопартийной исполнительной власти. Выборы, однако, сопровождались глубокими и систематическими нарушениями принципов свободы и справедливости, ограничивая число оппозиционных партий, блокируя их деятельность и фальсифицируя выборы. Фальсификация подразумевала незаконное вмешательство в избирательный процесс, направленное на заведомо недостоверное установление итогов выборов. Осуществлялась она путем увеличения числа отданных голосов за своих сторонников, и/или сокращения числа голосов за политических оппонентов. Выборы были реальной возможностью для оппозиции, так как позволяли легко конструировать разделение на «мы» и «они». Кроме того, выборы предоставляли возможность передачи мнения через электорат. Лишение этого шанса путем фальсификации выборов было толчком к действию. Выборы, таким образом, создавали возможность для демонстрирования. Мобилизация в это время было относительно безопасной из-за присутствия иностранных наблюдателей. Правительства, следовательно, не могли прибегать к насилию. Репрессии оппозиции в период между выборами могли оставаться незамеченными, зато голос оппозиции во время избирательной кампании получал внутренний и международный резонанс. Поэтому важно было провести независимые опросы общественного мнения и наблюдения за выборами со стороны независимых наблюдателей⁶.

Другим важным фактором была объединенная оппозиция, наличие харизматических лидеров и материальная поддержка со стороны экономических элит. Объединение оппозиции было также важно для внешних международных субъектов, которые получили яркий и четкий сигнал, куда направить свою поддержку. Наличие материальных, организационных и кадровых ресурсов, происходящих из внешних источников, было очередной характеристикой всех цветных революций. Поддержка со стороны зарубежных доноров и организаций, например таких, как Агентство США по международному развитию, Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда госдепартамента США, Институт Альберта Эйнштейна (Albert

за Николом Пашиняном?, «Sputnik Армения», 17.04.2018; F. Weir, *Armenia is having a 'color revolution.' So why is Russia so calm?*, «The Christian Science Monitor», 26.04.2018.

⁶ P.K. Baev, *A Matrix for Post-Soviet Color Revolutions...*, с. 3–22; D. Beacháin, A. Polese, *Introduction...*, с. 3–10.

Einstein Institute), Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy), Международный республиканский институт (International Republican Institute), Национальный демократический институт (National Democratic Institute), Дом Свободы (Freedom House), Международный центр ненасильственных конфликтов (International Center for Nonviolent Conflict), Фонд Евразия (Eurasia Foundation), организация Джорджа Сороса «Фонды Открытого Общества», Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, связанных с Европейским Союзом и США, позволили оказать давление на правящую власть, получить средства для мобилизации гражданского общества, поддержать развитие независимых от государства СМИ и организовать акции протеста⁷.

Совместные действия гражданского общества и объединенной оппозиции, поддерживаемые внешними субъектами, позволили реализовать двойную стратегию. Во-первых, речь шла о дискредитации режима и, во-вторых, в склонении людей идти голосовать. Эта стратегия была основана на убеждении, что непопулярный режим захочет признать недействительными итоги выборов. В такой ситуации люди должны были выйти на улицы и начать всеобщую забастовку, которая заставит правительство уйти в отставку. Эти стратегии были осуществимы благодаря силе влияния демонстрации и выработке акторами гражданского общества эффективных репертуаров протеста⁸. После успеха революции в Сербии активисты основали Центр ненасильственного сопротивления, целью которого было информирование о методах мирного протеста. Активисты из Грузии, Украины и Кыргызстана оставались в контакте с сербами, пользуясь их знаниями, касающимися способов мобилизации общества⁹.

Процесс мобилизации и обучения был двусторонним. Учились не только протестующие, но и авторитарные режимы, которые внимательно следили за цветными революциями. Наиболее типичным примером было ограничение возможности осуществления действий НПО, получающих зарубежное финансирование, или отказ в выдаче виз западным наблюдателям. Евгений Финкель (Evgeny Finkel) и Ицхак Брудный (Yitzhak Brudny) приводят несколько способов реагирования недемократических государств на вспышки цветных революций. Во-первых, многие страны ответили изоля-

⁷ Там же; М. Минаков, *«Цветные революции»...*; А.А. Казанцев, *Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия*, Москва 2009. с. 108.

⁸ N. Shukuratieva, A. Lipiński, *Kolorowe rewolucje jako innowacyjny mechanizm mobilizacji społecznej i zmiany władzy na obszarze postradzieckim*, [в:] А. Kaszukur, А. Laski (ред.), *Wyzwania innowacyjności w sferze publicznej*, Bydgoszcz 2015, с. 77–92.

⁹ P.K. Baev, *A Matrix for Post-Soviet Color Revolutions...*, с. 3–22.

цией, например, ограничивая доступ населения к информации о революциях. Во-вторых, маргинализировали оппозицию с помощью манипуляции избирательным законодательством или массовой критикой в СМИ. В-третьих, улучшали ситуацию групп, которые могли бы взбунтоваться. В-четвертых, прибегали к репрессиям, к лишениям работы или иных источников доходов людей, которые поддерживали и агитировали за протесты. В-пятых, было использовано увещевание в целях переубеждения общества, что цветные революции противоречат истории, традициям и самобытности государства и спонсируются со стороны зарубежных стран, имеющих совершенно разные интересы¹⁰.

Вопросы, касающиеся политических прав и свобод граждан стали объектом секьюритизации и были включены в проблематику безопасности. Таким образом, требования свободных и справедливых выборов, доступа к информации, а также другие формы политической активности граждан получили новую интерпретацию как, требующие чрезвычайных мер, источники угрозы экзистенциального характера. В свою очередь, создала она возможность легитимизировать различные, чрезвычайные действия властей, как ограничения прав граждан на обмен информацией, на свободу собраний, а также деятельности коммерческих и религиозных организаций, которые сопровождались расширением полномочий силовых структур¹¹.

Акты секьюритизации общественно-политического пространства имели очень серьезные последствия не только для российской политической и административной систем. Воспринимались они также как нормативные модели для принятия аналогичных решений на постсоветском пространстве. В системе правового регулирования касалось это закона об «иностранных агентах»¹² (2012), закона о митингах¹³ (2012), закона о «черных списках»

¹⁰ См.: E. Finkel, Y. Budny, *No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia*, «Democratization» 2012, Т. 19, № 1, с. 6; V. Silitiski, *Contagion Deterred: Preemptive Authoritarianism in the Former Soviet Union (the Case of Belarus)*, CDDRL Working Papers. Stanford University, 06.2006, № 66; A. Libman, *Models of economic integration – Russian and post-Soviet experience*, IE RAS 2009, с. 209.

¹¹ B. Buzan, O. Wver, J. De Wilde, *Security: A New Framework for Analysis*, London: Lynne Rienner Publishers 1997.

¹² Федеральный закон от 20.07.2012 N 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», «Российская газета», (дата обращения: 06.06.2014).

¹³ Федеральный закон от 8 июня 2012 г. N 65-ФЗ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», «Российская газета», (дата обращения: 09.06.2012).

сайтов¹⁴ 2012), закона, расширяющей понятие госизмены¹⁵ (2012), закона «о нежелательных организациях»¹⁶ (2012), закона об ответственности за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений»¹⁷ (2013), закона о слежке за пользователями в Интернете¹⁸ (2013), закона об отказе от приоритета международного права¹⁹ (2015), закона об ужесточении наказаний за террористическую деятельность и расширении полномочий следственных органов²⁰ (2016), закона о дополнительных антитеррористических мерах в информационной сфере²¹ (2016), закона о доступе к материалам нежелательных организаций и о СМИ- «иностранных агентах»²² (2017) и др. Принципы и нормы, содержащиеся в этих законах впоследствии были заимствованы законодателями в Украине (во время правления президента Виктора

¹⁴ Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации, «Российская газета», (дата обращения: 30.7.2012).

¹⁵ Федеральный закон от 12.11.2012 N 190-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «Российская газета», (дата обращения: 14.11.2012).

¹⁶ Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации, «Российская газета» (дата обращения: 29.12.2012).

¹⁷ Федеральный закон от 29.06.2013 N 135-ФЗ О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», «Российская газета», (дата обращения: 02.07.2013).

¹⁸ Федеральный закон от 21.12.2013 г. N 369-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и статью 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности», «Российская газета», (дата обращения: 25.12.2013).

¹⁹ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Российская газета» (дата обращения: 16.12.2015).

²⁰ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности, «Российская газета», (дата обращения: 11.07.2016).

²¹ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности, «Российская газета», (дата обращения: 08.07.2016).

²² Федеральный закон от 25.11.2017 № 327-ФЗ О внесении изменений в статьи 10–4 и 15–3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», «Российская газета», (дата обращения: 27.11.2017).

Януковича²³), Беларуси, Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Азербайджане. Акты секьюритизации позволяли сменить соответствующие идентичности и системы представления. Формируя в системе взглядов населения «угрозы цветных революций»²⁴ и «угрозы свержения власти иностранными агентами», призывали к срочным и специальным мерам, направленным на то, чтобы бороться с этой угрозой²⁵.

Несмотря на то, что в цветных революциях участвовали различные общественные группы, движущей силой протестов были общественные движения, созданные молодёжью. Действия, предпринятые этими движениями, были важным толчком для мобилизации общества. В литературе молодежным движениям дается следующее определение: предпринятые молодёжью «организованные и сознательные попытки внесения изменения в общественный строй или выступления против него»²⁶. Самыми известными молодежными движениями, принявшими участие в цветных революциях, являются «Отпор» в Сербии, «Кмара!» в Грузии, «Порá!» в Украине и «Кел-Кел» и «Бирге» в Кыргызстане. Их целями были формирование чувства гражданственности, надежды на перемены и убеждения, что стоит принять участие в выборах, а также: способствовать соединению различных социальных групп; оказывать помощь кандидатам от оппозиции в эффективной работе с электоратом; мобилизовать людей для участия в митингах, протестах и мероприятиях, связанных с кампанией; разглашать факты фальсификации выборов, и, наконец, вести подготовку к протестной активности, например, путем обучения тактике ненасильственных акций протеста.

Движение «Отпор» было основано 10 октября 1998 г. двадцатью студентами, принявшими участие в более ранних демонстрациях 1996 и 1997 гг. Их характерной чертой было отсутствие централизованной иерархической структуры. Проистекало это из опасения, что руководители правительства могут кооптировать руководителей движения и таким образом воспрепятствуют его работе. Вначале целью движения было противодействие правительственным репрессиям, направленным против студентов Белградского университета. Символом «Отпора» был сжатый кулак, который должен был

²³ Например см.: Р. Гончаренко, Закон об «иностраннных агентах» появился и на Украине, «Deutsche Welle», (дата обращения: 16.01.2014).

²⁴ Например см.: А. Денисов, Минобороны России: угроза «цветных революций» реальна и продолжительна, «РИА Новости» (дата обращения: 20.06.2015).

²⁵ K. Levine, *Legislating against foreign funding of human rights – A tool of repression in the former Soviet Union*, [в:] А. Hug (ped.) *Sharing worst practice: How countries and institutions in the former Soviet Union help create legal tools of repression*, London 2016, с. 28–32.

²⁶ R.G. Braungart, M.M. Braungart, *Youth Movements in the 1980s: A Global Perspective*, «International Sociology» 1990, № 5, с. 157.

символизировать единство и силу, а также угрозу в адрес Слободана Милошевича²⁷. В достаточно короткое время «Отпору» удалось мобилизовать художников, интеллигенцию, крестьян и рабочих. Перед президентскими выборами в сентябре 2000 г. «Отпор» насчитывал 70 000 членов. Позднее основной целью движения становится свержение президента Милошевича. В апреле 2000 г. более ста тысяч человек собрались в Белграде, требуя досрочных выборов. 5 октября 2000 г. в Белград прибыли сотни тысяч протестующих, которые окружили парламент и здание государственного телевидения. В этой ситуации армия и полиция отказались оказывать поддержку правящей власти и перешли на сторону демонстрантов²⁸.

При разработке стратегии сопротивления важную роль сыграла книга Джина Шарпа «Политическая деятельность без применения насилия». На ее основе движение разработало брошюру на сербском языке, озаглавленную «Учебник Отпора». В марте 2000 г. активисты «Отпора» учились методам ненасильственного противостояния в рамках курса, проводимого коллегой Шарпа, бывшим полковником армии США Робертом Хелви (Robert Helvey). Одним из методов, используемых движением, была организация рок-концертов, которые привлекали бы молодежь. Важной была также поддержка крупнейших рекламных агентств. Работающие в них молодые люди помогли организовать две кампании: «Ему конец» («Gotov je»), которая должна была высмеять правящий режим, и «Пришло время» («Vreme Je»), целью которой было убеждение граждан в необходимости принятия участия в выборах. Деятельность «Отпора» была также направлена на объединение всех сил сербской оппозиции. В период после революции активисты движения учредили Центр ненасильственного сопротивления, и уже в ее рамках, продолжали поддерживать процесс демократизации и обучение активистов.

Организация, которая оставалась под сильным влиянием «Отпора» была создана в апреле 2003 г. Это грузинская «Кмара!». Движение формировалось на базе организации «Грузинское студенческое движение», образованной после протестов в октябре и ноябре 2001 г. в Тбилиси. Лидеры «Кмары!» требовали отставки президента Э. Шеварднадзе. Однако само движение имело более широкие цели: укоренение ценностей гражданского общества, популяризация проблемы защиты прав человека, создание институтов, позволяющих контролировать власть. «Кмара!» никогда не была официально зарегистрирована и не имела руководителя. Такая открытая, свободная

²⁷ Позднее символ сжатого кулака был использован также молодежными движениями Грузии, России, Египта, Эфиопии.

²⁸ V. Avioustskii, *Aksamitne rewolucje*, Warszawa 2007, с. 34.

структура позволяла присоединиться к движению, одновременно доставляя затруднения представителям власти в определении числа членов²⁹.

Деятели движения оставались в контакте с активистами из Сербии. Таким образом хотели достичь двух целей. Во-первых, хотели внести проводимую борьбу в более широкий контекст демократизационных процессов. Во-вторых, хотели создать впечатление движения, которое обладает знаниями, касающимися эффективного проведения революции. «Кмара!» имела тот же логотип, что и сербский «Отпор», применяла также подобные методы ненасильственных действий: граффити, уличные шествия, использование сатиры, высмеивающей диктатора. Массовые фальсификации во время парламентских выборов 2 ноября 2003 г. склонили к организации огромной демонстрации, которая состоялась 22 ноября и закончилась лишением власти Э. Шеварднадзе. После «революции роз» «Кмара!» распространяла свои идеи среди молодежи в Казахстане, Беларуси и Молдове. Активисты движения приняли также участие в «оранжевой революции» в Украине, а также связывались с активистами кыргызской оппозиции перед «тюльпановой революцией»³⁰.

Катализатором общественных протестов в Украине стало убийство журналиста Георгия Гонгадзе. Главным подозреваемым в этом деле был президент Леонид Кучма. Протестующие сформировали общественный комитет «За правду!», активисты которого 9 марта 2004 г. создали гражданскую кампанию «Пора!». Название было заимствовано из «Отпора». Главным лозунгом сербов было «Gotov je!» («Пришло время» или «Пора»). Новая структура объединила другие молодежные организации, такие как Христианско-демократическая молодежь Украины, объединение «Зарево» и «Молодая Просвита», Украинская ассоциация молодежи, неправительственная организация «Коалиции за свободный выбор» и др. С самого начала организация активно участвовала в процессе проведения выборов в органы власти местного и регионального уровня. Таким образом, она совершенствовала свои методы протеста против избирательных нарушений. Основная цель «Поры» заключалась в обеспечении демократических выборов путем предоставления информации и мобилизации общества. Для этого было проведено несколько гражданских кампаний, которые одновременно широко рекламировали название движения: «Пора вставать», «Пора думать», «Пора голосовать». Кроме того, активисты «Поры» широко пользовались новыми технологиями, организовывали концерты, обращались к юмору и сатире. Самой большой кампанией «Поры» была организация

²⁹ Там же, с. 55.

³⁰ Там же.

демонстрации после второго тура президентских выборов – 22 ноября 2004 г. Активисты организовали палаточные городки, поддерживали общественный порядок, блокировали органы правительства, организовывали демонстрации, распространяли листовки. Призывами, в краткой форме выражающими руководящую идею революции, были: «Свободу не остановить!» («Свободу не спинити!»), «Вместе нас много – нас не победить!» («Разом нас багато – нас не подолати!»)³¹.

Молодежные движения приняли также участие в «тюльпановой революции» в Кыргызстане. Речь идет о «Кел-Кел» и «Бирге», которые использовали ненасильственные методы и стратегии, разработанные сербами. «Кел-Кел» была основана в январе 2005 г. с помощью коалиция НПО «За демократию и гражданское общество» и при поддержке Розы Отунбаевой, лидера оппозиционной партии «Ата-Журт» (Отечество). «Бирге» была основана в феврале 2005 г. по инициативе студентов Бишкекского гуманитарного университета. Целью обеих организаций была мобилизация молодежи к политическому действию и борьба за демократические выборы. Эти движения должны были привлечь молодежь к демонстрации против власти Аскара Акаева³², проведение которой предусматривала оппозиция.

Согласно Азамату Темиркулову, в отличие от других государств, в Кыргызстане большее влияние на политическое поведение и его последствия во время революции 2005 г. оказали неформальные институты³³. Наряду с формальными институтами такими, например, как молодежные движения, политические партии, неформальные институты играли важную роль в мобилизации масс. Они привлекали сторонников материальными стимулами и призывами к солидарности, которые осуществлялись через патронажные сети, реализующие свои собственные материальные интересы. Таким образом, в различных регионах появлялись центры мобилизации.

³¹ Там же, с. 74.

³² Аскар Акаев – первый президент Кыргызстана (1990–2005 гг.). Был свергнут с власти в результате «тюльпановой революции» в 2005 г., покинул страну и находится в России. После переговоров с новыми властями не был привлечен к ответственности правоохрнительными органами Кыргызстана. Более того, сохранил неприкосновенность и привилегии статуса экс-президента. Вторым президентом Кыргызстана стал Курманбек Бакиев (2005–2010 гг.). Однако он также был свергнут в результате очередной революции, которая произошла в 2010 г., в результате чего покинул страну и находится в Белоруссии. В Кыргызстане в 2013 г. был приговорен к 24 годам лишения свободы с конфискацией имущества и отбыванием наказания в колонии усиленного режима.

³³ Неформальные институты – не утвержденные в законном порядке, официально не признанные, но имеющие важное значение в неопатримониальных системах объединения людей по каким-либо признакам или интересам.

Позже оппозиция перехватывает контроль над мобилизацией в различных областях и объединяет их под общей целью – свержение режима³⁴.

Анализ всех молодежных движений в посткоммунистическом регионе позволяет сформулировать характерные общие черты. Во-первых, в каждом из этих государств важную роль в процессе мобилизации молодых людей играл график проведения выборов. Все движения подчеркивали важность свободных и демократических выборов как основного механизма передачи власти. Важным аспектом была также свобода средств массовой информации, необходимая для прозрачного избирательного процесса. В местах, где их свобода была ограничена, движения создавали собственную информационную сеть. Во-вторых, важной точкой мобилизации были университеты. Касалось это особенно мест, которые уже имели опыт политической активности. В-третьих, все движения понимали значение агитационной деятельности, сатиры и иронии, которые подрывали официальность и натянутость государственной пропаганды. Граффити и знаки, приклеиваемые в разных местах, должны были формировать общее определение ситуации и чувство, что молодежные движения доминируют в общественном пространстве. Эти движения высоко ценили также степень воздействия рок-музыки как средства привлечения и мобилизации молодежи. В-четвертых, важную роль играли стратегия и тактика, которые опирались не на насилие, а на мирный протест и общественный перформанс, хеппенинг, флешмоб. Основой эффективности должно было быть массовое участие в акциях протеста, которое показало бы правящей власти, что она не имеет общественной поддержки, а тем самым легитимности в управлении государством.

РЕЗЮМЕ

Цветные революции на постсоветском пространстве характеризовались высоким уровнем общественного участия и финансированием из внешних источников. Несмотря на важную роль международных акторов, ключевое значение в успехе цветных революций имели внутренние факторы. В настоящей статье анализируется участие созданных молодежью общественных движений. Действия, предпринятые этими движениями, были важным толчком для мобилизации общества. Их целями были разглашение фактов фальсификации выборов, формирование чувства гражданственности, способствованиесоединению различных социальных групп, и, наконец, подготовка к протестной активности.

³⁴ А. Temirkulov, *Kyrgyz "revolutions" in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization*, «Nationalities Papers» 2010, Т. 38, № 5, с. 593.

Nartsiss Shukuralieva

DEMOCRATIC SELF-ORGANIZATION. MOBILIZATION DURING THE “COLOR REVOLUTIONS”

Color revolutions in the post-Soviet space were characterized by a high level of public participation and funding from external sources. Despite the important role of international actors, the key factors in the success of color revolutions were internal factors. The present article analyzes the mobilization of youth movements. The actions taken by these movements were an important impetus for the activation of the social claims. Their goal was to disclose the facts of electoral fraud, the formation of a sense of citizenship, to promote the union of various social groups, and, finally, the preparation for protest activity.

KEY WORDS: *color revolutions, authoritarianism, elections, mobilization, anti-government protests*

Библиография

- V. Avioutskii, *Aksamitne rewolucje*, Warszawa 2007.
- P.K. Baev, *A Matrix for Post-Soviet Color Revolutions: Exorcising the Devils from the Details*, «International Area Studies Review» 2011, T. 14, № 2.
- D. Beacháin, A. Polese (eds.), *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*, Routledge, New York 2010.
- R.G. Braungart, M.M. Braungart, *Youth Movements in the 1980s: A Global Perspective*, «International Sociology» 1990, № 5.
- B. Buzan, O. Wver, J. De Wilde, *Security: A New Framework for Analysis*, London: Lynne Rienner Publishers 1997.
- F.W. Engdal, *The Full Spectrum of Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order*, St. Petersburg, 2010.
- E. Finkel, Y. Brudny, *No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia*, «Democratization» 2012, T. 19, № 1.
- A.E. Gapich, D.A. Lushnikov, *Technology of Color Revolutions*, Moscow 2010.
- A. Hug (ed.) *Sharing worst practice: How countries and institutions in the former Soviet Union help create legal tools of repression*, London 2016.
- S.G. Kara-Murza, A.A. Aleksandrov, M.A. Murashkin, S.A. Telegin, *Revolution for export*, Moscow 2006.
- A.A. Kazantsev, *Western countries policy in Central Asia: key characteristics, dilemmas and contradictions*, Moscow 2009.
- A. Libman, *Models of economic integration – Russian and post-Soviet experience*, IE RAS 2009.
- M. Minakov, “Color revolutions” in the post-Soviet world: causes and consequences, «General Notebook» 2012, No. 2–3 (59).
- N. Shukuralieva, A. Lipiński, *Kolorowe rewolucje jako innowacyjny mechanizm mobilizacji społecznej i zmiany władzy na obszarze postradzieckim*, [w:] A. Kaszukur, A. Laski (red.), *Wyzwania innowacyjności w sferze publicznej*, Bydgoszcz 2015.

- V. Silitski, *Contagion Deterred: Preemptive Authoritarianism in the Former Soviet Union (the Case of Belarus)*, CDDRL Working Papers. Stanford University, 06.2006, № 66.
- A. Temirkulov, *Кыргыз “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization*, «Nationalities Papers» 2010, Т. 38, № 5.
- F. Weir, *Armenia is having a ‘color revolution.’ So why is Russia so calm?*, «The Christian Science Monitor», 26.04.2018.